ОБЪ ИСТИННОЙ СВОБОДѢ
И
НРАВСТВЕННОМЪ ДОЛГѢ.

(По поводу Высочайшаго манифеста отъ 17 Октября 1905 г.).

Понятіе о свободѣ. — Свобода и произволъ. — Свобода и нравственный долгъ.—Ты долженъ, потому что свободенъ.— Свобода слова и печати.—Политическая свобода.—Царская власть. — Историческія справки. — Марсельеза и красные флаги. — Европа и Россія.—Россія и востокъ.—Свобода и Христіанская вѣра.—Свобода личности.—Научныя теоріи.— Ихъ несовмѣстимость съ истинной свободой.—Прирожденность нравственнаго сознанія.—Евангельское ученіе.—Современные паралогизмы. — Христіанскій соціализмъ. — Церковная свобода. — Епископство и монашество. — Свободное участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Проф.-протоіерея **Е. Аквилонова**.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая, № 18.
1905.

ОБЪ ИСТИННОЙ СВОБОДѢ

И

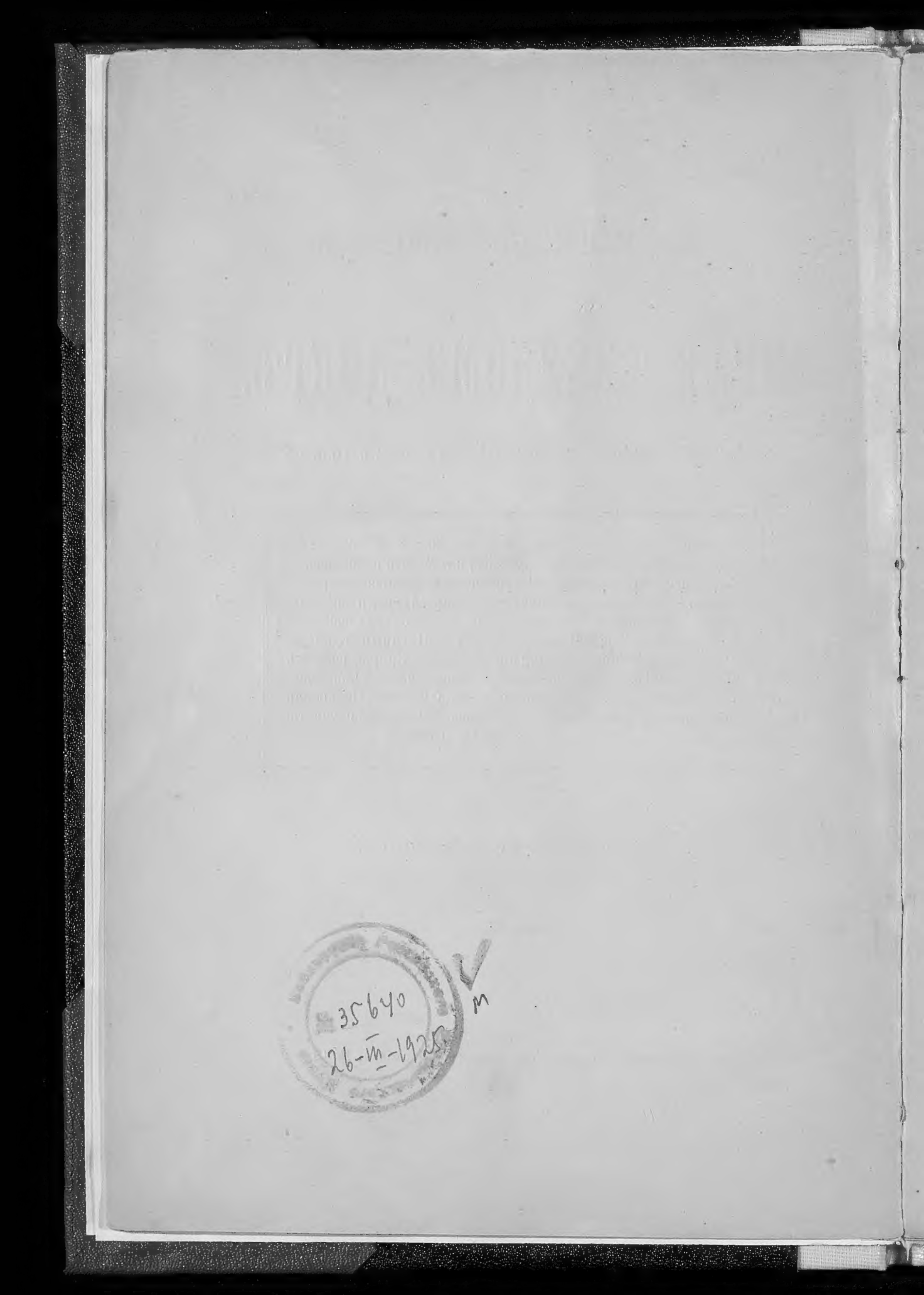
НРАВСТВЕННОМЪ ДОЛГѢ.

(По поводу Высочайшаго манифеста отъ 17 Октября 1905 г.).

Понятіе о свободѣ. — Свобода и произволъ. — Свобода и нравственный долгъ.—Ты долженъ, потому что свободенъ.— Свобода слова и печати.—Политическая свобода.—Царская власть. — Историческія справки. — Марсельеза и красные флаги. — Европа и Россія.—Россія и востокъ.—Свобода и Христіанская вѣра.—Свобода личности.—Научныя теоріи.— Ихъ несовмѣстимость съ истинной свободой.—Прирожденность нравственнаго сознанія.—Евангельское ученіе.—Современные паралогизмы. — Христіанскій соціализмъ. — Церковная свобода. — Епископство и монашество. — Свободное участіе міранъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Проф.-протоіерея **Е. Аквилонова**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая, № 18.
1905.

35640
26-III-1925

Объ истинной свободѣ и нравственномъ долгѣ.

(По поводу Высочайшаго манифеста отъ 17 Октября 1905 года).

Высочайшимъ манифестомъ, отъ 17-го октября 1905 г., всѣмъ вѣрноподданнымъ гражданамъ Россійской Имперіи „дарованы незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ". Короче говоря: намъ дана свобода, *мы свободны*!

Едва ли найдется еще какое-либо другое слово, которое возбуждало бы въ каждомъ русскомъ гражданинѣ столько напряженныхъ думъ и горячихъ чувствъ, по поводу котораго произносилось бы такое множество всякихъ рѣчей и воззваній, изъ-за котораго разгорались бы съ чисто-стихійной силой такія страсти, какъ, именно, это магическое слово: „свобода". О чемъ, назадъ тому немного времени, можно было только мечтать, то является теперь уже совершившимся событіемъ. Великимъ по своей важности для закрѣпощеннаго народа былъ манифестъ Государя Императора Александра II, призывавшій благословеніе Божіе на его свободный трудъ; но еще болѣе великимъ, сравнительно съ своимъ свѣтлымъ предшественникомъ, выступаетъ этотъ вѣстникъ всеобщей свободы. Онъ радостенъ, какъ майское утро, онъ дорогъ намъ, какъ самое сердце, онъ свѣтелъ, какъ Ангелъ мира и благоволенія. Хочется вѣрить, что полноправный, свободный русскій гражданинъ переживетъ то блаженное состояніе, о которомъ сказано Самимъ Христомъ въ извѣстной притчѣ: „сей сынъ мой былъ мертвъ—и ожилъ, погибалъ—и нашелся" (Лк. 15, 24),

что вскорѣ пронесется надъ нами „послѣдняя туча разсѣянной бури“, и мы „возрадуемся и возвеселимся“ (ст. 32). Величіемъ дара будемъ измѣрять высоту радости: чѣмъ выше первый, тѣмъ сильнѣе и послѣдняя.

Но для того, чтобы дарованная свобода принесла свой добрый плодъ, чтобъ она не оказалась для насъ только внѣшнимъ благомъ, не составляющимъ нашего внутренняго достоянія, и — что еще хуже,—чтобы не подверглась ложному толкованію, искаженію и всякимъ злоупотребленіямъ, *необходимо опредѣлить себѣ, прежде всего, самое понятіе свободы* и, сообразно съ послѣднимъ, устроять свою личную и общественную жизнь.

Многіе смѣшиваютъ свободу съ *произволомъ*. Человѣкъ поступаетъ такъ, именно, какъ ему вздумается, по своей прихоти и своевольному капризу. Нѣкоторые чрезвычайно склонны проявлять такого рода „свободу“ особенно при бурныхъ порывахъ гнѣва, самой бѣшеной страсти или подъ вліяніемъ сильнаго опьяненія. Примѣровъ, подтверждающихъ такое превратное пониманіе свободы, безчисленное множество. Простой здравый смыслъ подсказываетъ каждому, кто хотя немного призадумается надъ ними, что здѣсь—не свобода, а презрѣнное *рабство страстямъ* и всякимъ порокамъ воплотилось въ людяхъ, исказившихъ въ себѣ образъ Божій. Само собой разумѣется, что не такую свободу даровалъ Государь Императоръ Своимъ подданнымъ.

Другіе понимаютъ подъ свободой совершенную *независимость ни отъ какихъ нравственныхъ обязательствъ*. Такимъ людямъ свобода представляется въ видѣ позволительности пренебреженія къ родительскому и, вообще, къ начальственному авторитету; къ святости брака и цѣломудрія; въ видѣ надменнаго отношенія къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, особенно родной страны; въ эмансипаціи отъ общепринятыхъ правилъ порядочности; въ неодолимой склонности къ чисто іезуитскому заподозриванью рѣшительно всѣхъ благихъ правительственныхъ мѣропріятій и въ самой безсовѣстной клеветѣ по адресу извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей; короче: какъ свобода отъ всѣхъ десяти заповѣдей. Очевидно, послѣдняя здѣсь отождествляется съ беззаконіемъ, и представляетъ собой чистѣй-

шую безнравственность. Горькими плодами такой свободы являются переживаемыя нами грозныя событія. Если и впредь ее будутъ понимать такъ, то мы задохнемся въ ея чаду, а наша жизнь сгоритъ на пылающемъ кострѣ еще нигдѣ невиданной въ мірѣ анархіи. Результатомъ такой свободы будутъ полный невообразимыхъ страданій терроръ и „власть тьмы“.

Ясно, что не съ такой свободой поздравляемъ мы другъ друга. Отъ такой свободы мы готовы бѣжать, какъ отъ огня. Иная, лучшая, *истинная* свобода предносится нашему умственному взору,—свобода, дарующая намъ блага мира и братской любви, способная улучшить нашу мятежную жизнь и обогатить ее роскошными плодами истиннаго просвѣщенія и высокой культуры, помочь намъ благополучно выйти изъ огненной пытки и опять занять почетное положеніе среди другихъ европейскихъ народовъ. А такъ какъ два разсмотрѣнныхъ рода свободы представляютъ собою одинъ, только въ разныхъ видахъ, произволъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что истинная свобода не терпитъ послѣдняго и обусловлена извѣстными *общеобязательными нормами*, наличностью которыхъ обезпечивается дѣйствительность такой именно свободы. Поясnимъ это примѣромъ. Что можетъ быть свободнѣе человѣческой мысли? Быстрѣе молніи то возносится она въ небесныя пространства, то спускается ниже самой преисподней, и, кажется, не существуетъ никакихъ препятствій, которыя могли бы задержать ея вольный полетъ. Однако, всматриваясь пристальнѣе въ нашу мыслительную дѣятельность, нельзя незамѣтить подчиненности ея опредѣленнымъ *законамъ*, только при непремѣнномъ соблюденіи которыхъ она является высочайшимъ откровеніемъ разумнаго духа. Какъ скучно и тяжело бываетъ каждому невольному слушателю чьей-либо безсвязной, капризно порхающей съ одного предмета на другой, рѣчи? Какою мучительной истомой вѣетъ отъ пустой и безсвязно-написанной книги? Лучшимъ выразителемъ переживаемаго состоянія, въ данномъ случаѣ, является неподражаемый сатирикъ (знаменитый ученый гуманистъ 16 в.) *Эразмъ Роттердамскій*. Вотъ что онъ пишетъ о современныхъ ему ораторахъ въ „Похвалѣ Глу-

пости“ (рус. перев. проф. Н. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1902, стр. 117): „ораторъ начинаетъ обыкновенно воззваніемъ,—пріемъ, заимствованный у поэтовъ. Затѣмъ, собираясь говорить о христіанской любви, онъ начинаетъ вступленіемъ объ египетской рѣкѣ Нилѣ; или, предполагая излагать тайну креста, очень удачно начинаетъ свою рѣчь съ Бэла, дракона вавилонскаго. Посвящена ли бесѣда посту, — ораторъ начинаетъ, прежде всего, говоритъ о двѣнадцати знакахъ зодіака...“ Другой проповѣдникъ, собираясь изъяснять тайну Св. Троицы, „началъ съ азбуки, перешелъ къ словамъ, потомъ къ частямъ рѣчи; далѣе заговорилъ о согласованіи именъ и глаголовъ, существительнаго и прилагательнаго. Многіе изъ слушателей начинали недоумѣвать и бормотали уже себѣ подъ носъ Горацієвъ стихъ: „къ чему клонится вся эта чепуха?“ Оказалось, что элементы азбуки и грамматики—такъ полагалъ ораторъ—содержатъ въ себѣ символическое изображеніе Троичности“.

Наоборотъ, логически-правильная рѣчь, въ которой одно положеніе разумно вытекаетъ изъ другого, а составныя части которой, въ своей совокупности, образуютъ единое архитектонически-стройное цѣлое, невольно приковываетъ къ къ себѣ наше вниманіе и вызываетъ чувство одобренія. Причина этого понятна: такая рѣчь текла въ опредѣленномъ руслѣ, а проведенная въ ней мысль управлялась строгими законами *логики*. Безъ нихъ получается хаотическая путаница мыслей, при нихъ стройное цѣлое. Такимъ образомъ, только въ подчиненіи общеобязательнымъ законамъ логики человѣческая мысль становится на подобающую ей высоту и получаетъ для себя истинную свободу. Законъ служитъ гарантіей свободы, и свобода проявляется въ формѣ подчиненія закону. Всякая мысль, которой почему либо показалось бы неугоднымъ управляться законами логики, тѣмъ самымъ обречетъ себя на пагубу и окончательное разложеніе, печальные примѣры которыхъ обильно преподаются призрѣваемыми въ извѣстныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ.

Человѣческая *воля*, подобно мысли, также не только не можетъ существовать, въ своемъ нормальномъ состояніи, безъ управляющаго ей закона, но, какъ именно свободная,

непремѣнно *должна, нравственно обязана подчинятъся соотвѣтствующимъ ей законамъ.* И такъ какъ всякій здравомыслящій человѣкъ стремится къ истинной жизни, такъ какъ ему врождено желаніе такой, именно, а не ложной, не искалѣченной и жалкой жизни, стремленіе къ добру, къ самоцѣнному благу, то естественно такому человѣку приложить всѣ свои силы къ достиженію истиннаго блага. Смотрѣть на дѣло иначе, утверждать совершенно противное, то есть, что онъ не обязанъ стремиться непремѣнно къ благу, а только къ тому, чего онъ хочетъ въ данное время, значитъ еще разъ подтвердить высказанное положеніе о господствующемъ въ нравственномъ міропорядкѣ законѣ блага, потому что каждый, какимъ бы самовольнымъ онъ ни былъ, добивается только того, что считаетъ для себя высшимъ, именно, благомъ.

Каждое свое дѣло человѣкъ производитъ въ условіяхъ наилучшаго соотвѣтствія средства и цѣли. Гдѣ не дано такихъ условій, тамъ не возможна и цѣлесообразная дѣятельность. Наблюдающій теченіе небесныхъ свѣтилъ, астрономъ не опускается для этого въ глубокій колодезъ, а поднимается на высокую башню. Устранивъ различныя препятствія для своего наблюденія, онъ обращаетъ свое вооруженное зрѣніе не къ землѣ, но къ звѣздному небу—мѣсто нахожденію наблюдаемой планеты. Нисколько не было бы удивительнымъ, когда, не выполнившій необходимыхъ для своего наблюденія условій, астрономъ ничего не увидѣлъ бы, какъ, вообще, мы нисколько не удивляемся тому, что слѣпецъ не видитъ солнца, или глухой не слышитъ звука. Все это, разумѣется, очень печально, но естественно-необходимо. Подобнымъ же образомъ дѣло происходитъ и въ духовномъ мірѣ. Природой нравственнаго міропорядка непремѣнно требуется то, чтобы каждый, призванный къ его созиданію, поставилъ себя самого въ соотвѣтствующее природѣ искомаго блага положеніе. Въ противномъ случаѣ, стремящійся къ благу не только не достигнетъ послѣдняго, а можетъ причинить и себѣ и другимъ немалое зло. Получить благо можетъ только тотъ, кто самъ себя настроитъ соотвѣственно съ нимъ, кто самъ будетъ благожелательнымъ. Необходимо *хотѣть* блага, любить его и всѣ свои силы пола-

гать на предметъ своихъ стремленій. Незамѣнимой помощницей человѣку въ этомъ случаѣ является свободная воля. Повторяемъ: свободная, потому что только свободное добро заслуживаетъ наименованія нравственнаго. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и нравственнаго подвига. Всѣ мы хорошо понимаемъ это, осуждая, напримѣръ, такого благодѣтеля, который вовсе не ради состраданія къ бѣднымъ, а изъ-за пустого тщеславія или въ виду какой-либо награды дѣлаетъ большой взносъ на благотворительное учрежденіе; или такого государственнаго мужа, который, будучи атеистомъ въ душѣ, прикидывается ревнителемъ отеческихъ преданій;—безсовѣтнаго грабителя общественныхъ денегъ, проливающаго лицемѣрныя слезы надъ оскудѣніемъ аристидовой честности въ современникахъ... Такіе безнравственные примѣры глубоко возмущаютъ наше сердце, настоятельно требующее того, чтобы люди жили и дѣйствовали *по—совѣсти*. Ложь, фарисейство, низкопоклонство, лесть и родственные имъ пороки всегда возбуждаютъ самое горькое отвращеніе со стороны всякаго честнаго дѣятеля.

Смотря на различныхъ—печальной славы—общественныхъ дѣятелей, ставящихъ личные интересы выше общественныхъ, порицая дурныхъ воспитателей, развращающихъ ввѣреныхъ имъ дѣтей, администраторовъ, видящихъ въ своихъ подчиненныхъ какихъ-то безотвѣтныхъ рабовъ, не сочувствуя разнузданнымъ забастовщикамъ и т. п., каждый благомыслящій человѣкъ, при всемъ желаніи оправдать ихъ (если только родится такое желаніе), въ концѣ концовъ не найдетъ достаточныхъ для этого основаній. Живущая въ насъ *совѣсть*, эта Божія посланница, громко взываетъ къ правосудію. „Ты долженъ,“—говоритъ она преступнику,—ты долженъ, ты нравственно обязанъ былъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ, потому что ты свободенъ. Такъ свидѣтельствуетъ неподкупно честный голосъ нашей совѣсти, опирающейся на присущую намъ свободу.

И, дѣйствительно, какихъ бы блестящихъ рѣчей ни произносили защитники виновнаго, какъ ни старались бы убѣдить присяжныхъ въ неотвѣтственности человѣка за дѣянія, расположеніе къ которомъ онъ получилъ отъ своихъ преступныхъ предковъ, или отъ воздѣйствія на него окру-

жающей среды, экономическихъ, психическихъ и подобныхъ имъ обстоятельствъ; сколько бы разъ ни взывали къ извѣстнымъ ученымъ авторитетамъ Цезаря Ломброзо, Ницше, Гобинэ, Чемберлена и пр.,—на всѣ такого рода доводы серьезные слушатели отвѣтили бы только одно: дѣйствительно, преступнику выпалъ тяжкій жребій имѣть дурныхъ предковъ, жить въ такой же средѣ, терпѣть матеріальную нужду, словомъ, онъ имѣлъ довольно сильныя побужденія къ совершенію извѣстнаго злодѣянія, но и онъ, совершитель послѣдняго, такой же, *по существу*, человѣкъ, какъ и другіе люди; слѣдовательно, и въ немъ есть свободная воля и совѣсть. Голоса одной онъ долженъ былъ послушаться, а другая давала ему возможность не совершать злодѣянія. Для смягченія участи виновнаго имѣются данныя, для оправданія—ихъ нѣтъ. Поводы къ преступленію, несомнѣнно, на лицо, причинной необходимости нѣтъ и быть не можетъ.

Не будь человѣкъ свободенъ,—тогда мы должны были бы судить о немъ такъ же, какъ и о всякомъ другомъ несвободномъ существѣ или предметѣ. Никому, вѣдь не придетъ въ голову приписывать добродѣтель четвероногимъ стражамъ дома за то, что они своимъ лаемъ устрашаютъ воровъ; никто не станетъ нравственно квалифицировать неутомимое бѣганье бѣлки въ колесѣ; повинующаяся своему кровожадному инстинкту, кошка не подлежитъ никакому судоговоренію за растерзаніе птички. Равнымъ образомъ, неумѣющіе отличить правой руки отъ лѣвой младенцы и потерявшіе способность здраваго разсужденія умалишенные такъ же невмѣняемы. Но другое дѣло—взрослый нормальный человѣкъ. По вышеприведеннымъ соображеніямъ, онъ подлежитъ суду за содѣянныя преступленія. Наличностью свободы обусловливается производимый надъ нимъ *судъ*, высшее назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы, послѣ тщательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія извѣстныхъ обстоятельствъ дѣла, довести преступника до сознанія виновности въ послѣднемъ и болѣе или менѣе точно опредѣлить степень вмѣняемости ему преступленія. Развѣ только одна сожженная совѣсть злодѣя не дрогнетъ предъ свято исполняющимъ свой долгъ судебнымъ трибуналомъ; но каждый, въ которомъ еще не погасла искра Божія, пре-

ступникъ долженъ будетъ признаться въ своей виновности и сказать самому себѣ: дѣйствительно, я виновенъ въ томъ, что не подчинялъ своей свободы закону блага, въ исполненіи котораго и состоитъ мое человѣческое призваніе.

Итакъ, истинно-человѣческая свобода состоитъ въ подчиненіи ея нравственно-должному, т. е., закону блага.

Вотъ, говоря вообще, о какой свободѣ долженъ, прежде всего, подумать каждый русскій гражданинъ по выслушаніи Высочайшаго манифеста. Если правильно будетъ понята нравственная свобода, то, въ такомъ случаѣ, не составитъ затрудненія такъ же правильно и примѣнить ее къ частнымъ случаямъ повседневной жизни. Свободные граждане тогда будутъ имѣть въ свободной прессѣ не только вѣрное отраженіе наличной дѣйствительности, но и строго-нравственную оцѣнку ея, съ благожелательнымъ указаніемъ дальнѣйшаго пути, по которому должна направляться общественная жизнь. Далекіе отъ того, чтобы ограничивать назначеніе печати однимъ только фотографически—вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, мы желаемъ видѣть въ ней, кромѣ того, еще и мудраго вождя, особенно, такихъ житейскихъ тружениковъ, у которыхъ нѣтъ никакой возможности самимъ слѣдить за происходящими событіями и уяснять себѣ ихъ подлинный смыслъ. Само собой понятно, что въ такой, т. е. въ свободной, печати не можетъ быть мѣста ни клеветѣ, ни злобѣ, ни лести, ни подозрѣніямъ, ни угодничеству какимъ либо низменнымъ инстинктамъ, ни продажности и т. п. проступкамъ. Каждый, призванный къ печатному дѣлу, сотрудникъ, начиная съ „лидеровъ общественнаго мнѣнія“ и кончая самымъ скромнымъ репортеромъ, именемъ нравственной свободы призывается къ серьезному исполненію своего высокаго долга. Ежедневная травля тѣхъ или другихъ общественныхъ и, особенно, государственныхъ дѣятелей, злонамѣренное извращеніе происходящихъ событій, это, поистинѣ, демоническое злорадство по поводу какихъ либо, допущенныхъ правительствомъ, ошибокъ, огульное взваливанье отвѣтственности за все худое только на одну бюрократію, вотъ уже сколько времени состоящую въ должности козла отпущенія, это сплошное обѣленіе однихъ и также сплош-

ное обвиненіе другихъ рѣшительно набили оскомину, даже у самыхъ терпѣливыхъ читателей. Невольно приходятъ, по этому поводу, на память слѣдующія строки изъ поэмы Гете: „Рейнеке—Лисъ“ (пер. М. Достоевскаго. СПБ. 1902, стр. 87).

„О добрѣ-то молчатъ и рѣдко о немъ вспоминаютъ.
Чтожъ всего хуже, такъ это игра безтолковаго бреда,
Всѣхъ охватившаго нынѣ, — бреда, что каждый,
отдавшись
Необузданной волѣ своей, можетъ господствовать въ
мірѣ...
Какъ же послѣ того улучшиться міру? Вѣдь каждый
Все позволяетъ себѣ, насильно хочетъ быть первымъ.
Такъ-то глубже и глубже въ тяжелое зло мы впадаемъ.
Ложь, обманъ и измѣна, и кража, и лживыя клятвы
Низость, грабежъ и разбой, — объ этомъ только и
слышишь“.

Обращаясь къ свободѣ устнаго слова, прямо таки поражаешься ея разнузданностью. Положительно жаль тѣхъ юныхъ ораторовъ, которые съ быстротой пулеметовъ и съ чисто-фанатическимъ одушевленіемъ надрываются изъ всѣхъ силъ на любезномъ имъ поприщѣ всенароднаго учительства. Уличные фонари, подлинно, сдѣлались въ одно время излюбленной трибуной неучащихся учителей, отказавшись служить выразительными символами свѣта ихъ ученія. „Долой Самодержавіе!“ „Долой правительство!“ „Намъ нужна республика!“

Да понимаете ли вы, господа республиканцы, высокій смыслъ Самодержавія и разумѣете ли, на какую всероссійскую святыню хотите вы наложить свои расходившіяся руки? „Для того, чтобы говорить о внутреннемъ состояніи страны“, по словамъ (ровно полвѣка тому назадъ) представленной Государю Императору Александру II „вѣрноподданнымъ Константиномъ Аксаковымъ“ записки „О внутреннемъ состояніи Россіи“, — „для того, чтобы говорить о внутреннемъ состояніи страны, отъ котораго зависитъ и внѣшнее, — надо прежде всего узнать и опредѣлить ея *общія народныя основанія*, которыя отражаются въ каждой частности“... „Русскій народъ“, по выраженію записки,

не имѣетъ въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія. Самымъ первымъ доказательствомъ тому служитъ начало нашей исторіи: добровольное призваніе чужой государственной власти въ лицѣ Варяговъ. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ тому служитъ Россія 1612 года, когда не было Царя, когда все государственное устройство лежало вокругъ разбитое вдребезги, и когда побѣдоносный народъ стоялъ, еще вооруженный, въ умиленіи торжества надъ врагами, освободивъ свою Москву: что сдѣлалъ этотъ могучій народъ, побѣжденный при Царѣ и боярахъ, побѣдившій безъ Царя и бояръ, со стольникомъ княземъ Пожарскимъ, да мясникомъ Козьмою Мининымъ во главѣ, выбранными имъ же? Что сдѣлалъ онъ? Какъ нѣкогда въ 862 году, такъ въ 1612 году *народъ призвалъ государственную власть, избралъ Царя* и поручилъ Ему неограниченно судьбу свою, мирно сложивъ оружіе и разошедшись по домамъ. Эти два доказательства такъ ярки, что прибавлять къ нимъ, кажется, ничего не нужно". (Теорія государства у славянофиловъ. Прилож. къ „Рус. Труду". Спб. 1898, стр. 23—24). Какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни бываютъ такія знаменательныя событія, не призадуматься надъ которыми невозможно потому, именно, что въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражается весь историческій смыслъ взятой эпохи. Вотъ примѣры. Въ напыщенной фразѣ Людовика XIV: „l'état c'est moi" звучитъ тонъ самовластнаго деспота, точно характеризующій государственный строй тогдашней Франціи. Когда только что коронованная Императрица Анна Іоанновна, засѣдая въ Грановитой Палатѣ на тронѣ, въ присутствіи блестящей свиты, вдругъ сошла со ступеней трона и, взявши князя Вас. Лук. Долгорукова за его „большой носъ", подвела этого сановника къ портрету Грознаго и, указавъ на портретъ, прочитала очень внушительный урокъ: „хотя я и баба, да такая же буду, какъ онъ: васъ семеро дураковъ сбирались водить меня за носъ; я тебя прежде провела" (см. „Историч. Вѣстн." 1900 г., Май, стр. 441, „Записки" В. И. Штейна), — мы не можемъ не видѣть въ этомъ событіи характерное для наступившаго царствованія „знаменіе времени". Почему „удалась" англійская революція, и не удалась французская?—спрашиваетъ

Гизо. Отвѣтъ данъ Э. Бурке: потому что англичане производили свою двукратную революцію въ такое время, когда „страхъ Божій являлся еще господствующею надъ народами силой, и такими дѣятелями, которые приложили все свое усердіе къ осуществленію народной и государственной жизни въ духѣ христіанства“, между тѣмъ какъ французская революція проведена была съ начала до конца на антихристіанскихъ началахъ, ни во что святое не вѣровавшими демагогами (W. I. Thiersch, Ueber den christl. Staat. Basel. 1875, S. 27). Такъ, въ краткихъ изреченіяхъ или въ историческихъ событіяхъ, какъ въ зернѣ, заключаются цѣлыя политическія программы и готовыя схемы государственной жизни. Со стороны историка требуется приложить особое вниманіе къ этимъ выдающимся моментамъ политической жизни той или другой державы. Настоятельно необходимо послѣднее и по отношенію къ отмѣченнымъ запиской К. С. Аксакова событіямъ, чтобы охладить фанатическій пылъ противомонархическихъ ораторовъ не вѣдающихъ того, что говорятъ они.

„Мы не признаемъ“, выражаясь словами Ю. Ѳ. Самарина, „выработанной западной схоластикой и нашимъ духовенствомъ повторяемой съ чужого голоса теоріи De jure Divino. Утверждать, что въ силу божественнаго закона верховная государственная власть принадлежитъ какой бы то ни было династіи по праву, ей *прирожденному*, что цѣлый народъ отданъ Богомъ въ крѣпостную собственность одному лицу или роду, — мы считаемъ богохульствомъ. Законъ Божественный благословляетъ власть государственную вообще и вмѣняетъ каждому лицу покоряться ей, потому что государственный строй (тотъ или другой), какъ существенное условіе общежитія, служитъ къ достиженію предназначенныхъ человѣчеству цѣлей“ (Теорія государства у славянофиловъ. Спб. 1898. „Проэктъ заявленія, написанный въ 1862 г. Ю. Ѳ. Самаринымъ“, стр. 61). Такъ смотритъ на дѣло одинъ изъ умнѣйшихъ и независимѣйшихъ по своимъ взглядамъ русскихъ людей, искренности котораго мы не можемъ не вѣрить и къ трезвымъ мыслямъ котораго должны отнестись съ глубокимъ уваженіемъ.

Спустя нѣсколько строкъ, въ томъ же проэктѣ, Сама-

ринъ очень картинно и правдиво изображаетъ всецѣлую преданность русскаго народа своему Государю. „Пусть все", читаемъ мы въ Проэктѣ (стр. 62—63), „что желаетъ паденія самодержавія, обступитъ Зимній Дворецъ. Если, вызванный крикомъ, Царь приподнимется и черезъ головы этой (т. е., антимонархической) горсти людей только подмигнетъ народу, и если народъ пойметъ, что Царя обижаютъ, то что произойдетъ тогда? Скажетъ ли онъ: „по дѣломъ Ему", или двинется къ Нему стѣной на выручку? Тѣмъ, для которыхъ разрѣшеніе этого вопроса сомнительно, мы совѣтуемъ обратиться за справкою къ мировымъ посредникамъ, которые въ продолженіе шести мѣсяцевъ толкаются въ народѣ и болѣе, чѣмъ кто либо, выслушиваютъ правдивыхъ выраженій отъ неудовольствій и надеждъ. Они скажутъ въ одинъ голосъ, что сочувствіе народа электрическимъ токомъ тянетъ прямо къ Царю, черезъ всѣ посредствующія сословія, учрежденія, общественные слои, не останавливаясь на пути своемъ ни на чемъ и ни на комъ". Описывая путешествіе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича по Россіи, В. А. Жуковскій въ слѣдующихъ глубоко-трогательныхъ словахъ сообщаетъ о прибытіи Его Высочества въ Симбирскъ: „видя толпу народа, которая съ крикомъ бѣжала за коляскою Наслѣдника, я не могъ не заплакать и про себя повторилъ: „бѣги за нимъ, Россія, Онъ стоитъ любви твоей!" (Рус. Біограф. Словарь. Спб. 1896, 1, 421).

Не будемъ умножать свидѣтельствъ лучшихъ русскихъ людей въ подтвержденіе высказаннаго положенія о томъ, какъ неоцѣненно дорогъ Своимъ подданнымъ Всероссійскій Государь Императоръ, какъ Онъ близокъ намъ, какъ плоть отъ плоти нашей и кость отъ нашихъ костей, какъ съ Его Августѣйшей Особой неразрывно соединены государственныя традиціи Всероссійской Державы, и какъ, *въ духѣ этихъ традицій, слѣдуетъ намъ оформить свою политическую свободу.* Безусловное требованіе нравственнаго міропорядка: „ты долженъ дѣйствовать по закону блага" — находитъ здѣсь свое частное примѣненіе въ томъ смыслѣ, что русскій гражданинъ, какъ именно таковой, долженъ дѣйствовать сообразно съ основнымъ закономъ своего государственнаго

бытія и приложить къ осуществленію перваго всѣ свои лучшія силы для того, чтобы процвѣтало и послѣднее.

И больно, и стыдно было видѣть развѣвающіеся красные флаги на столичныхъ улицахъ, оглашаемыхъ пѣніемъ марсельезы. Неужели это раздавалась похоронная пѣснь нашему Самодержавію, а въ царелюбивую Россію приглашалась страшная гостья—въ видѣ революціи, бурно пронесшейся сто лѣтъ тому назадъ въ дружественной намъ странѣ? Если да, то остается, для большаго сходства въ подражаніи, воздвигнуть на одной изъ столичныхъ площадей гильотину и приставить къ ней усердныхъ палачей. Но скажите ради Бога: какое отношеніе имѣетъ къ намъ, русскимъ людямъ, французская марсельеза? Неужели еще и до сихъ поръ мы не въ силахъ освободиться отъ рабскаго подражанія всему чужеземному и настолько отупѣли, что не можемъ обойтись, даже, безъ заимствованія чуждой намъ революціонной пѣсни? Такова ли наша исторія, все наше прошлое, чтобы и намъ легкомысленно пробавляться взятыми напрокатъ обычаями и терминами, изобличающими только нравственное убожество извѣстныхъ „ревнителей“ отечественнаго блага, надѣющихся добыть ихъ огнемъ и кровью, буйнымъ насиліемъ и всѣми ужасами производимыхъ у насъ погромовъ? Все это въ высшей степени ужасно и странно, но, къ сожалѣнію, дѣйствительно.

Въ западной Европѣ—свое и намъ совершенно чуждое прошлое. Тамъ своя особая исторія, свои особые счеты съ былой феодальной системой, съ особыми экономическими нуждами, съ омірщеннымъ римско-католическимъ духовенствомъ, съ темными іезуитскими кознями, съ реформаціонными движеніями, съ невообразимыми ужасами „священной инквизиціи“ и съ другими обстоятельствами, насъ не касающимися. Поэтому, распространенныя теперь у насъ выраженія: „отдѣленіе церкви отъ государства“, „секуляризація церковныхъ имуществъ“, „клерикализмъ“, „соціалъ-демократія“ и проч. только еще разъ обличаютъ насъ въ крайней некультурности, въ какой-то японской подражательности и въ болѣзненномъ аппетитѣ къ соблазнительнымъ кушаньямъ за чужимъ столомъ.

Не принадлежа къ семьѣ романскихъ народовъ, заим-

ствовавъ отъ православныхъ эллиновъ Христову вѣру съ готовымъ укладомъ церковно-общественнаго быта, заложеннаго въ основѣ всей нашей русской культуры и просвѣщенія, поставленные во главѣ многочисленной славянской семьи, мы, свободные теперь граждане, должны перенести свои взоры съ запада на *востокъ*, „сказавшій намъ таинство свободы и пролившій въ насъ сіянье вѣры". Ex Oriente lux! Съ Востока—всѣхъ просвѣщающій свѣтъ Христовъ! Дѣтьми свѣта, а не тьмы должны мы быть, — свѣта, озарившаго насъ тысяча лѣтъ тому назадъ не для рабства, но для свободной христіанской жизни. „Истинно, истинно говорю вамъ: всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха. Но рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно, — сынъ пребываетъ вѣчно. Итакъ, *если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете*" (Іоан. 8, 34—36).

Не Марксу и Лассалю — этимъ идоламъ современныхъ прогрессистовъ—спасать насъ. Не осчастливятъ они Россіи также и при участіи Конта, Нитцше, гр. Толстого, Киркегаарда, Эмерсона и другихъ союзниковъ. Не помогутъ намъ и потревоженныя тѣни Будды и Заратустры. Непосильна имъ эта величайшая задача — дарованія истинной свободы, потому что *дать ее можетъ только Тотъ, Кто Самъ абсолютно-свободенъ*. Не входя въ подробный разборъ научныхъ данныхъ въ произведеніяхъ современныхъ поборниковъ „свободы личности", считаемъ своимъ долгомъ замѣтить на этотъ счетъ только одно, что самое понятіе личности, въ истинномъ своемъ опредѣленіи, принесено на землю Христомъ Спасителемъ. Это — безспорная не только религіозная, но и научная истина. Слѣдовательно, отъ всѣхъ, стремящихся къ свободѣ личности, естественно ожидать благодарной памяти о Томъ, Которому обязаны они своей личной свободой. Говоря о политической свободѣ, мы далеки отъ софистической подмѣны терминовъ, когда ссылаемся на дарованную намъ христіанствомъ нравственную свободу, ибо кто-жъ не признаетъ, что *нравственный міропорядокъ занимаетъ первостепенное мѣсто* въ ряду всѣхъ цѣнностей, а нравственная свобода служитъ краеугольнымъ камнемъ всякой свободы? Но никакая, заслуживающая это высокое имя, нравственность и, слѣдоват.,

свобода, не могутъ существовать безъ *религіи*, служащей для нея тѣмъ же, чѣмъ корень по отношенію къ дереву. Вѣдь не случайно же Огюстъ Контъ рукоположился въ провозглашенной имъ religion de l'humanité на должноеть первосвященника своего Grand Etre Suprême? Не случайно и графъ Толстой вѣруетъ въ небеснаго „Хозяина"? Не по безсмысленному капризу Фейербахъ законополагаетъ въ своей религіи: homo homini deus, находящейся, вѣроятно, въ болѣе близкомъ, чѣмъ это подозрѣваютъ, родствѣ съ Нитцшевымъ Uebermensch'емъ. Не ради насмѣшки надъ своимъ учителемъ буддисты обоготворили его. Если въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ явленіяхъ міровой жизни дѣйствуетъ законъ причинности, то онъ тѣмъ болѣе не можетъ бездѣйствовать въ духовномъ мірѣ. Слѣдовательно, *нравственный міропорядокъ коренится въ религіи* И, разумѣется. не православная вѣра отвѣчаетъ за преступное забвеніе о ней въ переживаемые нами великіе дни. Только и слышно было самыхъ настойчивыхъ рѣчей о свободѣ личности, и почти никто не обратился къ первоисточнику искомой свободы: „Меня, источникъ воды живой, оставили, и высѣкли себѣ разбитые водоемы, которые не могутъ держать воды" (Іер. 2, 13).

Итакъ, потоляемъ: истинное понятіе о человѣческой личности, съ ея совершенной свободой и безцѣннымъ достоинствомъ, принесено на землю Христомъ-Спасителемъ. Вещи познаются сравненіемъ. Что дохристіанское человѣчество не имѣло истиннаго понятія о личности, доказательствомъ этого служатъ свидѣтельства первоклассныхъ писателей древности, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить въ своей недавно выпущенной брошюрѣ: „Христіанство и современныя событія" (СПБ. 1905). Кромѣ того, событія несутся съ такой головокружительной скоростью, что сѣдая древность занимаетъ современныхъ общественныхъ преобразователей столько же, сколько отдаленныхъ потомковъ—полуразрушенное кладбище предковъ. Поэтому обратимся къ новѣйшимъ писателямъ. По суду послѣдователей столь модной теперь „теоріи эволюціи" (Ре, Спенсера, Вундта, Мечникова, Паульсена и др.), первобытный человѣкъ въ нравственномъ отношеніи находился на ступени животнаго.

Голодъ и любовь (выражаясь языкомъ Шиллера) — вотъ два могучихъ воспитателя, выведшіе человѣка изъ первобытной дикости. А такъ какъ послѣдній жилъ не одиноко, но въ семьѣ, въ ордѣ, то впослѣдствіи сами собой образовались правила совмѣстной жизни: къ „индивидуальной" морали присоединилась „соціальная". Нравственность родилась изъ нрава, или обычая, сдѣлавшагося съ теченіемъ времени второй природой. Религія и законъ освятили ее, и она, такъ сказать, уплотнилась въ видѣ совѣсти, пока, по прошествіи долгихъ тысячелѣтій, послѣдняя не поднялась на высоту „категорическаго императива". Подобно тому, какъ совѣсть современнаго культурнаго человѣка представляетъ собой нѣчто совершенно иное сравнительно съ совѣстью былого дикаря, такъ и совѣсть будущихъ поколѣній, въ свою очередь, окажется другою, чѣмъ наша.

Проистекающія изъ эволюціонной исторіи совѣсти слѣдствія, очевидно, ниспровергаютъ всякую нравственность. Съ высоты божественнаго закона она низводится на уровень чисто-человѣческаго произведенія. Нравственный законъ является болѣе уже не повелителемъ, а только покорнѣйшимъ слугой человѣка. Въ нравственномъ міропорядкѣ нѣтъ ничего устойчиваго. Что нынѣ представляется святымъ, то впослѣдствіи должно оказаться негоднымъ. Совѣсть служитъ отнюдь не храмомъ, въ которомъ слышится голосъ Верховнаго Судіи, а только музеемъ для храненія древнихъ памятниковъ.

Съ дальнѣйшимъ анатомированіемъ нравственности, послѣдняя оказывается только „продуктомъ"—чего же? Прежде всего, человѣческаго тѣла. Смотря по строенію мозга, изъ человѣка получается или святой, или мошенникъ. Цезаремъ Ломброзо открытъ uomo delinquente, человѣкъ—преступникъ, принудительно становящійся таковымъ вслѣдствіе врожденныхъ къ тому естественныхъ расположеній. „Преступникъ"—это больной. Поэтому, мѣсто тюрьмы долженъ занять госпиталь, взамѣнъ наказанія требуется лѣченіе, или поставленіе виновнаго въ условія, не дающія ему возможности продолжать злодѣянія. Добро и зло, подобно здоровью и болѣзни, суть только естественные „продукты".

Въ качествѣ опорныхъ точекъ для разсматриваемой теоріи являются законъ наслѣдованія душевныхъ и тѣлесныхъ—особенно, расовыхъ—качествъ потомками отъ своихъ предковъ и вліяніе „соціальной среды". Встрѣчаясь съ неизвѣстнымъ намъ человѣкомъ мы, желая узнать его, должны спрашивать не о томъ: кто онъ? но: откуда онъ? По ученію Нитцше, Гобино и Чемберлена, надъ каждымъ изъ насъ, въ видѣ неодолимаго рока, тяготѣетъ извѣстная раса. Имѣющіе счастье принадлежать къ благородной (арійской) расѣ видятъ предъ собой открытый путь къ высочайшимъ духовнымъ благамъ, и, наоборотъ, обездоленные судьбой потомки Сима и Хама обречены быть вѣчными паріями въ родѣ человѣческомъ.

Соціальная среда свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что мы представляемъ собой произведеніе экономическихъ отношеній. Услужливая статистика свидѣтельствуетъ о томъ неотразимомъ вліяніи какое производятъ на весь нашъ нравственный обликъ пища, жилище, трудъ. Моральный человѣкъ, въ концѣ концовъ, представляется въ видѣ итога, получаемаго изъ многочисленныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, напоминая собой пресловутаго homme machine Ляметтри.

Въ довершеніе всего выступаетъ матеріалистическій взглядъ на исторію, по которому главной пружиной въ человѣческой жизни является среда. Что же касается идей, то онѣ сами, наоборотъ, происходятъ изъ взаимо сочетанія данныхъ экономическихъ условій, а историческіе герои — это лишь свѣтовые фокусы господствующихъ въ извѣстное время силъ. Культъ героевъ—Heroworship—анахронизмъ. Всемірная исторія—это маріонеточный театръ, юмористически изображенный еще нашимъ безподобнымъ сатирикомъ Фонвизинымъ (†1792), въ его „Посланіи къ слугамъ". (Изд. Смирдина, 1846). Авторъ здѣсь бесѣдуетъ съ тремя своими слугами о томъ, „на что сей созданъ свѣтъ, и какъ жить въ ономъ?" Вотъ разсужденіе объ этомъ третьяго слуги:

„Весь свѣтъ мнѣ кажется ребяческа игрушка...
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!

На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй!
Создатель твари всей, Себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу...
Вотъ какъ вертится свѣтъ! А для чего онъ такъ?
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ."

„Малымъ чѣмъ умаленный отъ ангелъ" (Пс. 8, 6), разумный царь творенья — человѣкъ, судя по всему вышесказанному, развѣнчанъ въ своемъ высокомъ достоинствѣ, поруганъ, оплеванъ, „приложенъ къ скотамъ несмысленнымъ и уподобленъ имъ" (Пс. 48, 13). Можно ли, въ виду такого презрительнаго взгляда на себя самого, человѣку заявлять о какой-то „свободѣ личности"? Скажите: гдѣ находится эта личность? Ея нѣтъ, она исчезла по жестокому приговору новѣйшихъ моралистовъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни долгу, ни нравственной отвѣтственности. Но также не видимъ здѣсь и строгой науки. За то для всякаго безпристрастнаго наблюдателя становится ясно, какъ Божій день, что онъ присутствуетъ на самой дикой вакханаліи нравственнаго распутства, родного дѣтища стольчествуемыхъ теперь матеріалистическаго монизма, сладострастнаго эпикурейства, возведеннаго въ житейское правило эгоизма, замаскированнаго въ соблазнительной роли „гуманитарной морали" и другихъ, сродныхъ съ перечисленными, болѣзненныхъ и разрушительныхъ для истинной нравственности мнимо-научныхъ направленій.

Тщательно избѣгая всякихъ богословскихъ и метафизическихъ основоположеній и основываясь на однихъ чисто—„гуманныхъ", представители перечисленныхъ направленій не замѣчаютъ того, какъ они сами живы только „крохами", оставшимися имъ на „пиру боговъ". Въ самомъ дѣлѣ, при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса о человѣческомъ благополучіи, окажется, что не такъ-то просто на него отвѣтить, какъ представляется это „экономистамъ" и „соціологамъ". Благополучіе разнообразится, смотря по *природѣ* стремящихся къ нему существъ. Такъ, наприм., благополучіе свиньи вполнѣ обезпечивается обильнымъ кормомъ и удобнымъ хлѣвомъ. Отчасти поэтому Дж. Ст.

Милль счелъ нужнымъ замѣтить, что недовольный человѣкъ, всеже, лучше откормленной свиньи. Но почему же лучше? Очевидно, потому, что, какъ справедливо полагаетъ Милль, *въ человѣкѣ есть нѣчто достопочтенное*, что онъ имѣетъ сравнительно высшее *достоинство*. Но, въ такомъ случаѣ, предъ нами возникаетъ цѣлый рядъ труднѣйшихъ вопросовъ: Что такое человѣкъ? Откуда онъ приходитъ? Въ чемъ цѣль его жизни?

„Кто-жъ разрѣшитъ мнѣ: въ чемъ тайна отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ, вверху, надъ звѣздами живетъ?

Эти вопросы сразу переносятъ рѣшающаго ихъ въ религіозную область. Въ самомъ дѣлѣ, „что", спрашивается, „тебѣ полезно? Долженъ ли ты повиноваться непосредственно своимъ эгоистическимъ вожделѣніямъ, или же, наоборотъ, тебѣ слѣдуетъ обуздать ихъ для собственной пользы, потому что ты не одинъ, вѣдь, на бѣломъ свѣтѣ"? Это — скаредный расчетъ, выступающій предъ пестрой полнотой и поэзіей дѣйствительной жизни, подобно тому, какъ если бы кто захотѣлъ съ помощью математической формулы исчерпать богатое содержаніе музыкальной симфоніи. Да, ктому же, и по смыслу новѣйшей морали далеко не каждый въ состояніи произвести такой расчетъ. Посредствомъ своего рода „естественнаго подбора" историческое развитіе постепенно установило извѣстную сумму правилъ поведенія, оказавшихся наиболѣе пригодными не только для личнаго, но и для общественнаго блага. Эти послѣднія и стали нашей второй природой, нашей „совѣстью", инстиктивно заправляющей нашимъ поведеніемъ. Что же касается безсердечнаго эгоизма, свойственнаго утилитарной (какъ у Бентама) морали, то ея поборники указываютъ на прирожденный человѣку „альтруизмъ". Однако, и съ его помощью намъ не удастся ни на одинъ шагъ подвинуться впередъ. Когда, обуреваемый неодолимой страстью, я всецѣло отдаюсь самому грубому эгоизму,—что пользы мнѣ отъ альтруистическаго инстинкта? Пусть онъ мнѣ прирожденъ. Но почему же я долженъ принести *ему* въ жертву мой,

такъ же мнѣ врожденный, эгоизмъ? Развѣ только изъ одного опасенія непріятныхъ для меня послѣдствій, — соображеніе, не имѣющее ничего общаго съ истинною нравственностью.

Разсматриваемая „нравственность" несправеллива, далѣе, къ героическому въ исторіи. Герой порождается тѣмъ, что человѣкъ разрываетъ связывающія его цѣпи слѣпой традиціи и засасывающей среды и смотритъ, какъ говорится, открытыми глазами на истину. Отбросивъ въ сторону низменныя соображенія „практической" мудрости и пользы, онъ повинуется только внутреннему голосу своей совѣсти, почитаемому имъ за высочайшую святыню. Чтобы назвать величайшихъ героевъ, — какими неподкупно честными глашатаями истины и правды выступаютъ на общественномъ служеніи пророки, будившіе дремлющія совѣсти съ тѣмъ большей силой, чѣмъ менѣе сами они увлекались какими либо житейскими расчетами! Чуждые всякой корысти, они подлинно горѣли Святымъ Духомъ, нерѣдко даже противъ своей воли. Вопреки лживыхъ мудрованій „по стихіямъ міра", они проповѣдывали одно только безусловно-должное. Лишеннымъ подчасъ всѣхъ земныхъ благъ, гонимымъ и мучимымъ, имъ и на мысль не приходило измѣнить святому долгу, и часто преданность ему они оплачивали цѣной своей многострадательной жизни. Нѣтъ, не эгоизму съ альтруизмомъ рождать такихъ героевъ!

Не повинна въ томъ и эволюція, потому что, если нѣтъ въ душѣ искры Божьей, то не изъ чего будетъ разгорѣться и пламени. Слѣдовательно, человѣческой душѣ прирождена способность къ нравственному благородству. Необходимо признать безспорнымъ тотъ фактъ, что никакое внѣшнее воздѣйствіе не въ состояніи добыть извнутри данной сущности то, чего въ ней нѣтъ. Любой воспитатель можетъ подтвердить это примѣрами своей дѣятельности. Нельзя образовать поэта изъ ребенка, обойденнаго соотвѣтственнымъ для этого талантомъ. Не иначе протекало и воспитаніе цѣлаго рода человѣческаго. Допустимъ, что только по истеченіи многихъ тысячелѣтій человѣчество достигло степени своего современнаго развитія. Но и величайшее напряженіе его „животныхъ" (по матеріалистическому взгляду) силъ не

объяснить намъ происхожденія качественнаго превосходства человѣка надъ обезъяной, потому что естествознаніе рѣшительно не въ состояніи доискаться того пункта, отправляясь отъ котораго, человѣчество, подъ вліяніемъ только однихъ естественныхъ условій, выработало для себя высочайше-нравственную цѣль и стало стремиться къ ея осуществленію. Противъ этого нисколько не говоритъ тотъ фактъ, что стремленіе къ этой цѣли проходило подъ искусомъ тяжелой борьбы и возможныхъ препятствій. Наоборотъ, то явленіе, что упомянутое идеальное начало настойчиво утверждалось, не смотря на всякія противодѣйствія, свидѣтельствуетъ въ пользу *сверхчувственной*, независимой отъ вліянія времени, мощи этого начала въ человѣкѣ. Вотъ здѣсь-то и виденъ глубочайшій смыслъ библейскаго ученія о сотвореніи человѣка непосредственно самимъ Богомъ (см. объ этомъ подробнѣе въ соч.: О физико-телеологическомъ доказательствѣ бытія Божія, проф.-протоіер. Е. Аквилонова, СПБ., 1905, стр. 168). Человѣческое сознаніе,—съ этимъ необходимо согласиться,—только постепенно уясняетъ себѣ смыслъ безусловно-должнаго, но послѣднее само въ себѣ *незыблемо*, подобно гранитной скалѣ, и *имѣетъ вѣчную цѣнность*. Эта безусловная форма нравственнаго закона представляетъ собой неразрѣшимую для матеріализма загадку. Поэтому, остается одно изъ двухъ: или упорствовать въ ослѣпленіи матеріализмомъ, безъ надежды подняться на высоту достойныхъ человѣка нравственности и свободы, или же, дорожа царственнымъ достоинствомъ послѣдняго, обратиться къ „источнику живой воды“, изъ котораго происходятъ та и другая. Думаемъ, что здѣсь не можетъ быть сомнѣнія о предпочтеніи послѣдняго первому.

Ты не животное,—такъ учитъ человѣка христіанское откровеніе,—а неизмѣримо превосходнѣйшее, по сравненію съ нимъ, твореніе, созданное по образу и подобію Божію. Въ тебѣ находится дыханіе вѣчной жизни, тебѣ дарованы Творцомъ разумъ и свободная воля. Не звѣронравной дикостью, въ лѣсахъ и въ подземныхъ пещерахъ, открылась твоя историческая жизнь, но блаженнымъ и дѣтски-невиннымъ состояніемъ въ райскихъ обителяхъ. Не для борьбы за существованіе вышелъ ты на житейское поприще, но

съ любовью ко всѣмъ тварямъ, для дѣятельнаго проведенія въ міръ этого святого начала: „воздѣлывать и хранить рай“. И все сотворенное, безъ борьбы и насилія, признавало твое царственное величіе.

„Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Тебѣ внимала тварь земная,
И звѣзды слушали тебя,
Лучами радостно играя“.

Созданный Самой Высочайшей Любовью, ты, естественно, и жилъ для Нея же,—для самоцѣннаго блага, и добровольно подчинялся велѣніямъ нравственнаго долга, открывавшагося въ твоей чистой совѣсти. Ты вышелъ отъ Бога, ты жилъ для Него, къ Нему же ты и стремился. Въ томъ и состояла твоя истинная свобода, пока лукавый искуситель не увлекъ тебя на путь ложной свободы, и ты не сдѣлался рабомъ грѣха. Въ страшный часъ твоего нравственнаго паденія все въ тебѣ помрачилось, нарушилось равновѣсіе твоихъ силъ и любовное отношеніе между тобой и тварью. Изъ рая сладости Правосудный Богъ изгналъ тебя въ юдоль тяжкаго труда, скорбей, болѣзней и смерти.

Но Онъ не забылъ тебя. Вся твоя дохристіанская исторія представляетъ собой не иное что, какъ цѣлесообразное воспитаніе, „пѣстунство“, приготовленіе тебя къ принятію Единороднаго Сына Божія, имѣвшаго родиться отъ Св. Духа и Дѣвы Маріи для твоего же спасенія. Такъ дорогъ ты предъ очами Божьими! И, дѣйствительно, по истеченіи „полноты временъ,“ пришелъ на землю твой Искупитель, чтобъ вразумить и научить тебя, чтобъ показать тебѣ тебя же самого во всей красѣ твоего небеснаго идеала. Уже самое пришествіе Спасителя въ міръ свидѣтельствуетъ тебѣ о томъ, какъ дорогъ ты въ очахъ Божіихъ, а если прослѣдишь по Евангелію всю многострадальную жизнь Христа, завершившуюся Голгоѳскимъ Жертвоприношеніемъ, то еще болѣе утвердишься въ мысли о великой цѣнности своей личности. Никто другой, ни до, ни послѣ Спасителя, не раскрывалъ съ такой поразительной силой и неизслѣдимой глубиной ученія *о безцѣнномъ значеніи человѣческой личности*, какъ только Онъ одинъ.

Вотъ, съ одной стороны, на вѣсахъ божественнаго правосудія весь міръ, а, съ другой, только одна человѣческая душа. И что же? „Какая польза человѣку“, читаемъ въ Евангеліи (Мѳ. 16, 26), „если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою“? Поэтому, и въ отношеніяхъ другъ къ другу люди должны соблюдать величайшую предупредительность, предъ которой такъ сильно блѣднѣетъ всякая условная деликатность. Не только не должно гнѣваться на своего „брата“, но и называть его именемъ „рака“, т. е., пустымъ человѣкомъ (Мѳ. 5, 22). Созданная въ качествѣ помощницы своего мужа (Быт. 2, 18), женщина настолько высока, по евангельскому ученію, въ своемъ достоинствѣ, какъ личность, что является оскорбляемой уже однимъ нечистымъ на нее взглядомъ мужчины (ст. 28). Въ свою очередь, и этотъ послѣдній призывается Спасителемъ къ необыкновенно-высокому цѣломудрію, которое должно быть для него дороже глазъ и рукъ (ст. 29—30). Вся христіанская жизнь должна озаряться неземнымъ свѣтомъ только одного добра (ст. 16) и въ такой мѣрѣ изобиловать дѣлами чистой любви и всепрощенія, чтобъ ихъ доставало не однимъ „ближнимъ“, но и дальнимъ,—всѣмъ людямъ (ст. 38—47). Если бы кто и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ „сучекъ“ въ глазѣ своего брата,—да не подражаетъ онъ самодовольному фарисею, гордо презрѣвшему мытаря (Лк. 18, 10—14), а пусть лучше взглянетъ на самого себя: нѣтъ ли „бревна“ въ его собственномъ глазѣ? (Мѳ. 7, 3). Человѣческая личность должна быть настолько дорогой каждому изъ насъ, что „соблазнившему одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ „Сына Божія, „было бы лучше, съ жерновомъ на шеѣ, утонуть въ морской пучинѣ“ (Мѳ. 18, 6). И не только въ нашихъ очахъ настолько безцѣнно достоинство человѣческой личности, но и сами блаженные небожители радуются хотя бы объ одномъ кающемся грѣшникѣ (Лк. 15, 10). Кто и откуда пришелъ этотъ, просящій отъ насъ милостыню, бѣднякъ? Мы не знаемъ его, а подчасъ и гонимъ отъ себя съ негодованіемъ. А, между тѣмъ, подъ смиреннымъ рубищемъ Самъ Спаситель странствуетъ среди людей, и блаженны оказавшіе состраданіе нуждающемуся: „истинно говорю вамъ:

такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (Мѳ. 25, 40).

Никакое самое смѣлое воображеніе не въ состояніи представить себѣ чего либо высшаго по сравненію съ евангельскимъ ученіемъ о безцѣнномъ достоинствѣ человѣческой личности. Но, если такъ, то, слѣдовательно, и *уваженіе къ личности можетъ родиться лишь въ томъ, кто обращается къ Евангелію,* потому что нельзя, какъ слѣдуетъ, уважать то, цѣнность чего намъ неизвѣстна. И, наоборотъ, разъ мы узнали происхожденіе человѣческой личности, ея достоинство и конечное назначеніе,—мы непремѣнно почтимъ ее въ лучшихъ, богодарованныхъ ей, качествахъ, почтимъ ея разумность и свободу. Такъ, *христіанствомъ обезпечивается свобода личности.*

„Посмотрите у мірскихъ и во всемъ, превозносящемся надъ народомъ Божіимъ, мірѣ“, бесѣдуетъ старецъ Зосима (Ѳ. М. Достоевскій. „Бр. Карамаз.“ Спб. 1882. Т. I. стр. 349), „не исказился ли въ немъ ликъ Божій и правда Его? У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что подвержено чувствамъ. Міръ же духовный, высшая половина существа человѣческаго отвергнута вовсе, изгнана съ нѣкіимъ торжествомъ, даже съ ненавистью. Провозгласилъ міръ свободу, въ послѣднее время особенно, и что же видимъ въ этой ихней свободѣ? Одно лишь рабство и самоубійство. Ибо міръ говоритъ: „имѣешь потребности, потому и насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать ихъ, но даже пріумножай,—вотъ нынѣшнее ученіе міра“. Въ этомъ и видятъ свободу. И что же выходитъ изъ сего права на пріумноженіе потребностей? У богатыхъ „уединеніе“ и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ—зависть и убійство, ибо права̀-то дали, а средствъ насытить потребности еще не указали... Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства. Имѣть обѣды, выѣзды, экипажи, чины и рабовъ—прислужниковъ считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ, даже жизнью, честью и человѣколюбіемъ, чтобъ утолить эту необходимость, и даже убиваютъ себя, если не могутъ утолить ее. У тѣхъ, которые небогаты, тоже самое видимъ, а у бѣдныхъ

неутоленіе потребностей и зависть пока заглушаются пьянствомъ. *Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью: къ тому ихъ ведутъ.* Спрашиваю я васъ: свободенъ ли такой человѣкъ?.. Инока корятъ его уединеніемъ: „уединился ты, чтобы себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а братское служеніе человѣчеству забылъ". Но посмотримъ еще, кто болѣе братолюбію поусердствуетъ? Ибо „уединеніе" не у насъ, а у нихъ, но не видятъ сего. А отъ насъ и издревле дѣятели народные выходили; отчего же не можетъ ихъ быть и теперь? Тѣ же смиренные и кроткіе постники и молчальники возстанутъ и пойдутъ на великое дѣло. Отъ народа спасеніе Руси. Народъ вѣритъ по—нашему, а невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ. Это помните. Народъ встрѣтитъ атеиста и поборетъ его, и станетъ единая православная Русь. Берегите же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ". „Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство. *Были бы братья, будетъ и братство,* а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ, какъ драгоцѣнный алмазъ, всему міру... Буди, буди!" (стр. 352).

Не правда ли, что устами смиреннаго старца ббразно и ясно предлагается намъ Христово ученіе о нравственной свободѣ человѣка, сопряженной съ такимъ же *долгомъ*, стоящими выше всего на свѣтѣ? И все это такъ просто, такъ близко всякой, стремящейся къ благу, душѣ! Страшно подумать, что мы такъ оскудѣли добрыми людьми, сокрывшимися въ какое-то „уединеніе", за то обогатились тысячами злодѣевъ, забывшихъ вѣру, долгъ и совѣсть. Разумѣется, имъ не нужна эта святая тріада. Прочь отъ себя гонятъ они безпокойные укоры совѣсти, разсуждая о ней словами выводимаго у Шекспира „убійцы": „нѣтъ", ободряетъ себя послѣдній предъ убіеніемъ королевскихъ сыновей, „я съ ней (совѣстью) больше не свяжусь. Она дѣлаетъ изъ человѣка дрянь; съ ней нельзя ни украсть, ни солгать, ни связаться съ чужою женой. Она, какъ бѣльмо на глазу, вѣчно торчитъ передъ нами. Это какой-то бѣсъ, что только смущаетъ человѣка, заставляя его краснѣть. Ее слѣдуетъ выгнать съ позоромъ изъ всѣхъ

городовъ. Зови на помощь дьявола, а на совѣсть плюнь!" (Шекспиръ въ переводѣ и объясн. А. Л. Соколовскаго. СПБ. 1896. Т. VI. стр. 323, сцена 4-я изъ трагедіи: „Король Ричардъ III").

Задумываясь надъ бурными событіями текущихъ дней, невольно приходишь къ заключенію о томъ, что многіе, дѣйствительно, „плюнули на совѣсть и позвали на помощь дьявола". „Теперь",—впрочемъ, по выраженію Мефистофеля, „прогрессъ съ собой и чорта двинулъ", — хитрый бѣсъ „рога, и хвостъ, и когти кинулъ",—измѣнилъ только форму своего реальнаго бытія. Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе, какъ добрыхъ цѣлей достигать соотвѣтствующими средствами: вѣдь это—азбучная истина. Въ дѣйствительности же наблюдаемъ совершенно обратное. Дѣло представляется такъ: въ отношеніи цѣлей человѣческій умъ разсуждаетъ правильно; но какъ только заводится рѣчь о средствахъ къ ихъ достиженію, онъ, подобно колесу, соскакиваетъ съ своей оси и вертится куда попало. Вотъ примѣры современныхъ „паралогизмовъ" объюродѣвшаго разума.

Добиваются свободы, но средствомъ къ тому избираютъ самыя возмутительныя насилія. Вопіютъ объ отмѣнѣ смертной казни,—и безъ числа убиваютъ почему либо неугодныхъ извѣстнымъ реформаторамъ лицъ. Болѣютъ гражданской скорбью о народномъ раззореніи—и сплошными забастовками вовлекаютъ довѣрчивыхъ простецовъ въ пучину невообразимыхъ бѣдствій. Жалуются на обуявшую всѣхъ „власть тьмы"—и насильственно гасятъ свѣтъ всякаго знанія. Возмущаются „страшнымъ упадкомъ органа моральнаго обновленія"—и „лгутъ до усталости" на церковь и духовенство, Негодуютъ на возмутительныя безчинства войскъ—и къ тѣмъ же войскамъ обращаются за спасеніемъ отъ хулиганскихъ ордъ. Взялись „просвѣщать" народъ—и попираютъ его исконныя святыни. Одушевляются беззавѣтною любовью къ народу—и его же нарекаютъ „черной сотней" за то, что, по мѣрѣ прозрѣнія, онъ грудью защищаетъ Вѣру и Государя. Взываютъ къ совѣсти и правдѣ—и сами отрекаются отъ той и другой. Не вѣрятъ правительственнымъ сообщеніямъ—и гнусной ложью своихъ

инсинуацій подрываютъ всякое довѣріе къ печатному слову. Настаиваютъ на правовомъ порядкѣ—и стремглавъ несутся къ самой хаотической анархіи. Выступаютъ на защиту слабыхъ и угнетенныхъ—и вооружаютъ кинжалами школьныхъ дѣтей...

Дальше идти, кажется, некуда! Остается развѣ только отречься и отъ своего христіанскаго званія и отъ Христова имени, чистосердечно сознавшись въ роковомъ недоразумѣніи, благодаря которому лица извѣстнаго направленія только „числятся“ въ Православной Церкви. Тогда, по крайней мѣрѣ, они будутъ дѣйствовать „на законномъ основаніи“, но такимъ же образомъ потерпятъ и пораженіе, „злые злѣ и погибнутъ“. Избави насъ Богъ желать несчастья другимъ, считаемымъ нами не за „товарищей“ только, но, какъ заповѣдалъ намъ Спаситель, за своихъ „братьевъ“. Мы хотимъ высказать лишь ту евангельскую заповѣдь, что истинная „вѣчная жизнь“ состоитъ въ познаніи Единаго Истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа (Іоан. 17, 3), состоитъ въ познаніи воплощенной для нашего спасенія Истины, Которая даруетъ человѣкамъ блаженную свободу (Іоан. 8, 32), ибо „Господь есть Духъ, а *гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода*“ (2 Кор. 3, 17). И, дѣйствительно, въ обильной духовными дарами первенствующей церкви „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, владѣвшіе землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. 4, 32—35). Главное удареніе въ приведенномъ текстѣ стоитъ не надъ выраженіемъ: „имѣли все общее“, а на другомъ, что благотворительность была *добровольная, а не принудительная.* Она проистекала не изъ какихъ либо экономическихъ соображеній, не изъ гуманной морали, но изъ чистой христіанской любви „братьевъ“ во Христѣ одного къ другому, и совершалась съ полной *свободой.* Замѣтимъ, далѣе, и слѣдующее: братская любовь не сама собой рождалась въ сердцахъ вѣрующихъ, а возжигалась на томъ святомъ

жертвеннике, на которомъ, за божественной литургiей, ихъ благоговѣйныя очи ежедневно созерцали воплощенiе Самой Присносущей Любви, пролiявшей за нихъ пречистую кровь Свою. Первенствующiе христiане „постоянно пребывали въ ученiи апостоловъ, въ общенiи и преломленiи хлѣба и въ *молитвахъ*“ (Дѣян. 2, 42). Вотъ гдѣ очагъ ихъ любви, общенiя имуществъ, ихъ истинной свободы. Поэтому, ссылаясь только на голый фактъ общенiя имуществъ въ апостольской церкви и тщательно замалчивая его происхожденiе, новѣйшiе соцiологи поступаютъ подобно тому, какъ если бы кто указывалъ на пользу часовыхъ стрѣлокъ и забылъ о главной пружинѣ, сообщающей имъ движенiе. Что въ часахъ пружина, то въ истинной жизни Христова вѣра. Съ ней благо, безъ нея бѣдствiе. Къ несчастью для себя, нѣкоторые упорно не хотятъ понять этого, слѣдуя за тѣмъ безплотнымъ совѣтникомъ, который такъ говоритъ о себѣ (Гр. Л. Н. Толстой, „Возстановленiе ада“. Легенда, Берл. 1903. Изд. Штейница. Стр. 39): „я внушаю людямъ, что узнать о томъ, какъ имъ надо жить, они могутъ изъ придуманной мною для нихъ науки, называемой соцiологiей и состоящей въ изученiи того, какъ различно дурно жили прежнiе люди“. Съ своей стороны, „дьяволъ воспитанiя объяснилъ, что онъ внушаетъ людямъ, что они могутъ, живя дурно и даже не зная того, въ чемъ состоитъ хорошая жизнь, учить дѣтей хорошей жизни“.

Вмѣсто того, чтобы раболѣпствовать предъ „дьяволомъ воспитанiя“, не лучше ли обратиться къ Единому Учителю, призывающему къ Себѣ „всѣхъ труждающихся и обремененныхъ?“ Не полезнѣе ли возможно чаще посѣщать Его училище—святую церковь, многими не только покинутую, но и ненавидимую? Пора, давно пора, вспомнить о своей забытой и забитой матери. Пора подумать о томъ, какъ бы наилучше использовать ея богатыя зиждительныя силы для благоустроенiя нашей взбаломученной жизни. Вмѣсто того, чтобы срывать свой гнѣвъ на служителяхъ алтаря, лучше озаботиться о поставленiи православнаго пастырства въ соотвѣтствующiя его высокому призванiю условiя. Не говоря о счастливыхъ исключенiяхъ, въ большинствѣ своемъ священнослужители, выражаясь словами крестьянина Посош-

кова, писателя Петровскихъ временъ, „ничѣмъ отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣнны. Мужикъ за соху, и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть. Гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить. Гдѣ было обѣдню служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить, а паства духовная остается въ сторонѣ... Чѣмъ имъ питатися — Богъ вѣсть“. Прежде, нежели измываться надъ безропотно несущимъ свой тяжкій крестъ духовенствомъ, требуется войти въ его нравственное состояніе и пережить нестерпимыя муки вынужденнаго христарадничанья. Почти полвѣка тому назадъ дарованная крестьянамъ „свобода“ является для духовенства только еще ожидаемой милостью. Во чтобъ ни стало, только необходимо раскрѣпостить его. Въ новозавѣтной церкви не должно существовать „левитскаго *сословія*“, отмѣненнаго категорическою заповѣдью Самого Христа и Его апостола (Евр. 7, 11). Всѣ вѣрующіе должны невозбранно допускаться къ служенію алтарю. Кого признаетъ церковная община достойнымъ пастырства, тотъ и долженъ получить, посредствомъ епископской хиротоніи, необходимую для этого благодать. Полученіе священства должно зависѣть не отъ сословнаго происхожденія, но только отъ *личныхъ достоинствъ* принимающихъ его, по свободному избранію церковнаго прихода.

Епархія—это тотъ же церковный приходъ, взятый только въ значительно увеличенномъ масштабѣ. Слѣдовательно, и къ возглавляющему ее архіерею должно прилагаться избирательное начало. Епархіальный епископъ — не случайный путникъ, ищущій временнаго пріюта среди начальственно-порученной ему паствы, но ея вѣрный „ангелъ“-хранитель (Апок. 2). Онъ таинственно, при совершеніи архіерейской хиротоніи, сочетается съ поручаемой ему церковью узами нерасторжимаго брака; и подобно тому, какъ священникъ всякій разъ спрашиваетъ брачущихся насчетъ добровольности принимаемыхъ ими взаимныхъ обязательствъ, такъ— и въ еще высшей степени—мистическій бракъ епископа съ церковью обусловливается взаимнымъ согласіемъ брачущихся.

Возможно, что эти строки вызовутъ немалое изумленіе въ нѣкоторыхъ читателяхъ. Для насъ это тѣмъ понятнѣе, чѣмъ болѣе, съ теченіемъ времени, православные христіане оскудѣвали церковнымъ самосознаніемъ. Когда-то кипучая церковно-приходская жизнь мало-по-малу омертвѣла, и дѣятельные члены церкви обратились въ довольно безучастныхъ зрителей почти всего, происходящаго въ ней. А между тѣмъ, съ идеальной точки зрѣнія (иной и быть не должно) на разсматриваемый предметъ, свободная церковь должна напередъ заявить, кому слѣдуетъ, о своемъ добровольномъ согласіи вступить въ таинственный союзъ съ предлагаемымъ ей архипастыремъ. Къ сожалѣнію, нынѣ не спрашиваютъ ее о такомъ соизволеніи, и этимъ только вредятъ великому дѣлу.

Представляемая не одной только священной іерархіей, но, вмѣстѣ съ ней, и пасомыми, каждая епархія избираетъ на епископскую каѳедру достойнаго кандидата, будетъ ли онъ изъ монашествующаго, или изъ бѣлаго духовенства. Вѣковой опытъ церковной исторіи и текущей жизни ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что русское иночество достаточно потрудилось для благоустроенія нашей церкви до замѣтнаго истощенія своихъ силъ. Было бы вопіющей несправедливостью требовать отъ него еще новыхъ жертвъ. Не смотря на введенную Св. Синодомъ „покровительственную систему", наличное монашество не располагаетъ довольнымъ числомъ достойныхъ замѣстителей архіерейскихъ каѳедръ. Поэтому волей - неволей нужно искать этихъ замѣстителей среди бѣлаго духовенства, это съ одной стороны, а съ другой—всероссійская церковь нетерпѣливо ждетъ освобожденія отъ далеко не „благого" монашескаго ига. Вѣрнымъ показателемъ антимонашескаго настроенія въ ней служатъ несканчаемыя смуты, водворившіяся въ духовно - учебныхъ заведеніяхъ. Болѣе, чѣмъ кто либо другой, учащееся юношество чувствуетъ искусственную фальшь занимаемаго въ нихъ, въ качествѣ администраторовъ, монахами положенія. Что жъ касается учащихъ, то и они, сравнительно съ послѣдними, являются обойденными на служебномъ поприщѣ. Отрекшимся отъ міра—все, а этимъ — „останки". Духовно-учебныя заведенія еще ждутъ себѣ свободы. Ея же ожидаетъ и всероссійская Церковь.

Хотя у насъ, на Руси, искони повелось избирать епископовъ изъ монаховъ, однако рѣшительно нѣтъ никакихъ каноническихъ основаній къ такому предпочтенію чернаго духовенства бѣлому. Что вызывалось въ свое время историческими обстоятельствами, то должно исчезнуть по миновании ихъ. Временное не должно смѣшивать съ вѣчнымъ, въ противномъ случаѣ отъ ихъ смѣшенія произойдетъ только невообразимый хаосъ, какъ въ самой вѣрѣ, такъ и въ церковной жизни. Изъ того, что первыми русскими епископами были греки (на то были особыя историческія причины), едва ли кто сталъ бы заключать, что и впредь (точно въ силу каноническаго правила) только одни греки должны являться нашими архипастырями. Подобнымъ же образомъ и, въ противность апостольскому ученію (1 Тим. 3, 1—11), изъ того, что у насъ въ старину наибольшее число просвѣщенныхъ лицъ, годныхъ для епископства, можно было найти въ монастыряхъ, отнюдь не слѣдуетъ заключать о необходимости и теперь возлагать на иноковъ непосильный для нихъ жребій епископскаго служенія. „Дніе грядутъ", писалъ нѣкогда митрополитъ Московскій Филаретъ (См. „Письма" М. М. Филарета къ архіеписк. Тверск. Алексію". Москва, 1883, стр. 234—5), „когда архіереямъ надобно будетъ помышлять о кельѣ, а не о пространномъ и красивомъ домѣ... И подлинно время архіереямъ думать не о палатахъ, а о келліяхъ". Доселѣ, однако, еще не замѣтно, чтобы совѣты московскаго владыки принесли хоть малый плодъ въ тѣхъ сердцахъ, для которыхъ они предназначены. На все, разумѣется, нужно время. Будемъ надѣяться, что оно не за горами. Для преуспѣянія пастырскаго воздѣйствія на „міръ" требуются соотвѣтствующіе этому архипастыри. Въ самомъ дѣлѣ, каково вчерашнему отреченнику отъ мірскихъ соблазновъ, для того и принявшему „ангельскій чинъ", вдали отъ житейской суеты посвятить себя всецѣло аскетизму, нынѣ изъ тѣсной келліи выйти на шумное торжище жизни. Куда исчезли торжественные обѣты и клятвы; забыто и привѣтственное слово (обычное при постригѣ) о тернистомъ пути иноческаго служенія. Вмѣсто прямого пониманія иноческихъ обѣтовъ приходится волей-неволей прибѣгать къ толкованію ихъ по-

средствомъ вымученной синекдохи: точь въ точь, какъ при таинственномъ объясненіи непонятныхъ мѣстъ Св. Писанія: Подъ отреченіемъ отъ „міра“ надо, говорятъ, разумѣть отреченіе отъ „ветхаго человѣка“; подъ нестяжательностью—свободу отъ сребролюбія; подъ послушаніемъ—покорность Св. Синоду; подъ убогой кельей — вмѣстительныя палаты; подъ тяготой служенія—нѣкоторое усиліе къ восхожденію по лѣстницѣ іерархическихъ повышеній и пр. и пр. Какъ бы для сохраненія цѣльности стиля въ своемъ „житіи“, любой инокъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ, въ день нареченія, доложить присутствующимъ о томъ, какъ самъ онъ приведенъ въ страхъ и трепетъ состоявшимся о себѣ изволеніемъ, какъ онъ немощенъ для столь отвѣтственнаго и высокаго служенія и готовъ былъ уже отказаться отъ него, но... и всегда это необоримое „но“. Начавшись тоскливымъ миноромъ, „рѣчь о себѣ самомъ“ обыкновенно кончается сильно повышеннымъ мажоромъ, — указаніемъ на силу Божію, „въ немощахъ совершающуюся“. Не намъ, конечно, судить о дѣйствіяхъ благодатной силы. Но, что касается „правительственной“ силы въ судьбахъ призываемаго къ епископству, то ея дѣйствіе чрезвычайно. Едва еще достигшему мужескаго возраста архіерею ввѣряется цѣлая епархія и почти въ безконтрольное завѣдываніе. Отрекшійся отъ міра ввергается въ его пучину; отвергшійся семейной жизни становится архипастыремъ оженившихся и, во всякомъ случаѣ, не дававшихъ обѣта постояннаго дѣвства; невѣдающій, что такое семейная жизнь, и какое значеніе въ ней имѣютъ дѣти, и подчасъ даже готовый мѣсто таинства брака занять „таинствомъ монашества“, убѣжденный противникъ брачныхъ узъ является судьею между мужемъ и женой, верховнымъ покровителемъ воспитанія дѣтей духовенства и вершителемъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ архипастыри сродни Тимоѳею, „не пренебрегать юностью“ котораго увѣщеваетъ паству апостолъ (1 Тим. 4, 12). Многіе же изъ нихъ и юны, и властолюбивы, и малоопытны въ дѣлахъ. Притомъ, едва ознакомившись съ одной епархіей, они обыкновенно переводятся въ другую, въ которой имъ приходится начинать дѣло опять съ азбуки, изъ другой въ третью и

т. д. Доказательство налицо. У насъ довольно епископовъ, которыхъ передвиженіе изъ епархіи въ епархію напоминаетъ собой въ своемъ родѣ Жюль-Верново путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Вотъ, къ чему повело смѣшеніе историческихъ обстоятельствъ съ каноническими правилами. Не вѣчно же смѣшивать тѣ съ другими, пора и распутаться въ нихъ, въ противномъ случаѣ много всякихъ золъ будетъ обуревать русскую церковь, а одно изъ главныхъ—это искусственно распаляемая вражда между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ. Не должно быть ея. Вмѣсто розни да воцарится единство, а для этого необходимо устранить главнѣйшій поводъ розни—покровительственную систему церковнаго правительства въ отношеніи къ монашествующему духовенству. Свою силу и смыслъ своего бытія монашество должно имѣть и, дѣйствительно, имѣетъ въ себѣ самомъ. Что же касается до внѣшнихъ „пребендъ", то онѣ только подрываютъ въ корнѣ подлинное значеніе этого церковнаго „сословія" и развѣ еще лишній разъ приводятъ на память лукавыя слова собесѣдника Божія, выведеннаго въ 1-й гл. книги пр. Іова (ст. 6—11).

Таковъ церковный долгъ православныхъ русскихъ гражданъ. Именемъ дарованной имъ свободы призываются они къ дѣятельному участію въ устроеніи церковно-религіозной жизни, чтобы канонически-правильно организованная приходская община, начиная съ самой малой и до епархіальной, дѣйствовала сообразно своему истинному назначенію. Но пока это исполнится, *теперь* нравственный долгъ православнаго христіанина состоитъ въ необходимости ближайшаго общенія съ родной церковью и возможно большаго проникновенія духомъ Св. Евангелія, дарующаго всѣмъ истинную свободу — драгоцѣнный залогъ всѣхъ другихъ свободъ. *Постараемся, прежде всего, быть свободными, въ себѣ самихъ,* чтобы намъ сдѣлаться свободными такъ же и въ своей семейной, общественной и государственной жизни. „Истинно, истинно говорю вамъ: *всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха.* Но рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно; сынъ пребываетъ вѣчно. *Итакъ, если Сынъ свободитъ васъ, то истинно свободны будете*".

